

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

Историографический ежегодник
1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА • 1978

В. И. МОДЕСТОВ КАК ИСТОРИК АНТИЧНОСТИ

А. С. Шофман

Один из основоположников русской исторической науки об античности Василий Иванович Модестов родился 24 января 1839 г. в селе Клемцах Валдайского уезда Новгородской губернии в семье священника. Его богатая событиями жизнь и многогранная творческая деятельность протекала в четырех высших учебных заведениях: Новороссийском, Казанском, Киевском и Петербургском университетах. Дошедшие же до нас сведения о Модестове касаются преимущественно отдельных эпизодов его научно-педагогической деятельности, не затрагивая существенных сторон его мировоззрения и исторических взглядов¹.

Между тем, тщательный и всесторонний анализ произведений историка, как чисто исторических и филологических, так и теоретико-методологических и публицистических, а также привлечение архивных материалов, еще не введенных в научный оборот, дают возможность более полно нарисовать облик крупного ученого и педагога, известного публициста, блестящего мастера пера и слова, занявшего почетное место в истории отечественной науки. С 1856 г. Модестов — студент Главного педагогического института в Петербурге, где его товарищем по курсу был Н. А. Добролюбов. После закрытия института Модестов перешел на историко-филологический факультет Петербургского университета, который и окончил в мае 1860 г. В 1862 г. он выдержал экзамен на степень магистра римской словесности и был на-

¹ См.: *Благовещенский Н.* Римская письменность в период царей.— Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП), 1868; № 8; *Верст Э.* Модестов как критик и ученый.— ЖМНП, 1876, № 5; *Иконников С. И.* Биографический словарь профессоров и преподавателей университета св. Владимира, т. I—II. Киев, 1884; «Русское богатство». СПб., 1887, сентябрь, с. 163—166; *Малеин А.* К истории классической филологии в России.— «Филологическое обозрение», 1899, № 17, с. 55—56; *Турцевич И.* Новый русский перевод Модестова и несколько экскурсов о Таците.— ЖМНП, 1899, № 12. *Цветаев И.* Профессор В. И. Модестов. По поводу сорокалетия его научно-литературной деятельности.— «Филологическое обозрение», 1899, № 17; *Маркевич А. И.* Двадцатилетие имп. Новороссийского университета. Одесса, 1890; *Дроздов Н.* Памяти профессора В. И. Модестова.— Труды Киевской духовной академии, 1907, № 10; *Шестаков С.* Русский римлянин.— «Вестник литературы», 1907, № 3; *Д. Анучин.* Труд проф. В. И. Модестова «Введение в римскую историю». М., 1909; *Бузескул В.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX в. и начале XX в., ч. II. М., 1931; *Мурыгина Н. Ф.* Значение работ Модестова в развитии науки об античности.— «Труды IV научной конференции историков (31 мая — 2 июня 1956 г.)». Новосибирск, 1957, т. 1.

правлен за границу для приготовления к профессорской деятельности².

Двухлетний заграничный срок был проведен Модестовым в Германии, преимущественно в Боннском университете, где он слушал лекции профессоров-филологов Фридриха Ричля и Отто Яна. Впоследствии в своих воспоминаниях он говорил: «Боннский университет был для меня той школой, в которой, по преимуществу, совершалось мое филологическое образование»³.

По возвращении в Россию в 1864 г. он представил на суд историко-филологического факультета Петербургского университета диссертацию «Тацит и его сочинения» и после ее блестящей публичной защиты был удостоен 8 февраля 1865 г. степеней магистра римской словесности⁴. Этот труд свидетельствовал о выдающемся даровании молодого автора и сразу поднял его научный авторитет. В начале 1865 г. Модестов был назначен доцентом кафедры римской словесности в открытом в том же году Новороссийском университете. Здесь же он обратил на себя внимание как один из лучших преподавателей и уже в 1867 г. получил приглашение от попечителя Казанского учебного округа перейти в Казанский университет. Не без колебаний Модестов принял это приглашение, и 11 сентября был переведен доцентом на кафедру римской словесности Казанского университета⁵. Сначала он опасался ехать в «провинциальную глушь»⁶, но, прибыв в Казань и ознакомившись с университетом, изменил свое мнение. Позднее, характеризуя Казанский университет, Модестов писал: «У него была своя школа математиков, воспитанная знаменитым Лобачевским. У него была и до сих пор существует школа химиков, созданная Зининым и Бутлеровым, распространившаяся по другим русским университетам; в нем процветало преподавание славянских наречий в лице Григоровича, посвятившего этому университету лучшую пору своей плодотворной деятельности; он всегда имел крупных деятелей на медицинском факультете, а иногда и юридическом, например Мейер. Учреждения ценятся не по одному моменту их деятельности, а по всей ее совокупности. Если приложить к Казанскому университету такую именно мерку, то смело можно сказать, что ни один из русских университетов не выдержит с ним сравнения»⁷.

В Казанском университете Модестов пробыл менее 2 лет, но за этот короткий срок он сумел возбудить большой интерес у студентов к своему предмету⁸.

² ЦГА ТАСР, ф. 92, оп. 1, 1868 г., д. 9366 («Формулярный список о службе доцента Казанского университета Модестова»).

³ «Исторический вестник», 1883, т. 11, с. 392.

⁴ ЦГА ТАСР, ф. 92, оп. 1, 1868 г., д. 9366, л. 1—3 («Формулярный список о службе доцента Казанского университета Модестова»).

⁵ Там же, 1867 г., д. 9090, л. 145.

⁶ «Исторический вестник», 1885, т. 22, с. 323.

⁷ Там же, с. 331—332.

⁸ См. отзывы В. И. Модестова о сочинениях студентов (ЦГА ТАСР, ф. 977,

К казанскому периоду жизни Модестова относится публикация следующей его диссертации: «Римская письменность в период царей»⁹. Это исследование вызвало много критических замечаний, но автор его обрел и немало приверженцев.

Полемизируя со сторонниками Бартольда-Георга Нибура — основоположника критического конструктивного метода в изучении римской истории, Модестов привлек для своих доказательств многочисленные данные античных авторов, подробно разобрал древнейшие письменные источники, применяя комплексный метод их изучения.

Специальная экспертная комиссия, созданная историко-филологическим факультетом для предварительного знакомства с диссертацией, вынесла такое суждение: «Многостороннее знакомство с предметом исследования, основанного на изучении древних текстов и обширной европейской ученой литературы, заставляет ожидать от Модестова в будущем значительных новых вкладов в столь бедную у нас науку о классическом мире. Его осмотрительность выводов и строгая критика в рассуждениях показывает, с каким усиленным трудом составлялось исследование по одному из самых неопределенных вопросов науки. Подобные свойства сочинения возможны только в ученом, глубоко преданном своей науке»¹⁰.

После успешной защиты диссертации Модестов 29 ноября 1868 г. был утвержден в степени доктора римской словесности и избран экстраординарным, а вскоре (5 апреля 1869 г.) и ординарным профессором Казанского университета¹¹.

12 апреля 1869 г. Советом Киевского университета Св. Владимира Модестов был избран ординарным профессором на кафедру римской словесности¹². Об этом переходе из Казанского университета в Киевский Модестов впоследствии сожалел и считал его ошибкой.

Несмотря на сложную обстановку, с которой Модестову пришлось столкнуться в Киевском университете, он развил там активную научно-педагогическую деятельность. 18 сентября 1869 г. он выступил с блестящей вступительной лекцией по римской словесности в присутствии профессоров всех факультетов и при большом стечении студентов¹³.

оп. ист.-фил., 1869 г., д. 88, л. 38; «Изв. и уч. зап. Казанского ун-та», 1868, вып. III—IV, с. 256).

⁹ «Уч. зап. Казанского ун-та», 1867, вып. V—VI, с. 460—472.

¹⁰ ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. ист.-фил., 1868 г., д. 892, л. 23—39. Это сочинение о древнейшей римской письменности было издано автором на немецком языке под заглавием «Der Gebrauch der Schrift unter den römischen Königen» (Berlin, 1870). Этот труд был встречен с большим сочувствием многими учеными в Германии и Италии.

¹¹ ЦГА ТАССР, ф. 977, оп. ист.-фил., 1869 г., д. 888, л. 34—35.

¹² «Университетские известия» (Киев), 1868, № 10, с. 18.

¹³ Там же, с. 1—13.

Началась активная педагогическая работа. В течение 1871—1875 гг. Модестов читал лекции (не менее 5 часов в неделю) по предметам своей кафедры, а также проводил практические занятия. Они посвящались чтению и толкованию римских авторов (Ливий, Тацит, Плавт, Тибулл, Гораций, Ювенал), истории римской литературы или римской государственной древности. На практических занятиях обращалось особое внимание на точность перевода и правильность русской речи. Когда переводил один студент, остальные обязаны были тут же делать замечания на перевод и толкование текста. Это вызывало большое оживление аудитории¹⁴. Профессор охотно вступал в личные контакты со студентами и во внеучебное время, давал пользоваться книгами своей библиотеки¹⁵.

На практических занятиях Модестов обращал особое внимание на тех студентов, которые были склонны к научной работе. Так, под его попечением находился студент Ф. Г. Мищенко, в будущем известный античник, член-корреспондент Академии наук¹⁶. Он поддержал в марте 1874 г. П. И. Аландского — воспитанника Петербургского университета, защитившего в 1873 г. магистерскую диссертацию по греческой словесности¹⁷; дал сочувственный отзыв на работу И. Сербова «Геродот и его произведения», после чего тот был утвержден Советом в степени кандидата историко-филологического факультета по классическому отделению¹⁸. Степени кандидата был удостоен также студент М. Фирсов, представивший сочинение «Плавт в издании Рачля», которое также получило одобрение Модестова¹⁹. В 1876 г. Модестов предложил избрать на кафедру римской словесности доцента Варшавского университета И. В. Цветаева, автора ряда работ, изданных на русском и итальянском языках²⁰.

Наряду с большой преподавательской деятельностью Модестов выполнял много общественных поручений. В декабре 1869 г. он был избран членом попечительского совета, который занимался выдачей пособий нуждающимся студентам²¹. Позднее (по истечении двухлетнего срока) его постоянно переизбирали на эту должность. Он активно участвовал в комитете по изданию «Университетских известий»²². Им было подготовлено к печати «Обозрение учебной литературы латинской филологии за 1874 и 1875 гг. в России и за границей»²³. Одновременно Модестов принимал

¹⁴ «Университетские известия» (Киев); 1876, № 1, с. 6.

¹⁵ *Иконников В. С.* Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. университета Св. Владимира, т. II, с. 451—452.

¹⁶ «Университетские известия» (Киев), 1872, № 1, с. 74—75; № 11, с. 32—33.

¹⁷ Там же, 1874, № 4, с. 21—22.

¹⁸ Там же, 1871, № 5, с. 24—25.

¹⁹ Там же, 1872, № 10, с. 27.

²⁰ Там же, 1876, № 6, с. 20—22.

²¹ Там же, 1870, № 3, с. 5.

²² Там же, 1873, № 5, с. 16.

²³ Там же, 1876, № 4, с. 43.

активное участие в устройстве Общества классической филологии и педагогики в Киевском округе, был председателем этого Общества²⁴.

Не менее активной была научная работа В. И. Модестова. С 1871 г. началось печатание его «Лекций по истории римской литературы»²⁵, которые отличались полнотой сведений, систематическим изложением, основательностью суждений. Они были первым и единственным для того времени опытом обобщения научной истории римской литературы на русском языке. «Если бы ничего не писал и не печатал В. И. Модестов кроме этого курса,— отмечал И. В. Цветаев,— то и тогда почетное имя в среде профессоров историко-филологических факультетов университетов ему было бы обеспечено»²⁶. За годы пребывания в Киевском университете (1869—1877 гг.) Модестов наряду с этим капитальным трудом напечатал и ряд других работ, главным образом филологического характера. Как член исторического Общества Нестора-летописца, В. И. Модестов сделал сообщение на тему: «Три греческих надписи, принадлежащие музею древностей университета Св. Владимира»²⁷.

Для пополнения своих научных знаний Модестов предпринял две заграничные поездки: в 1870 г. (на четыре месяца) и в 1876 г. (на семь месяцев) в Италию.

Ученый рассчитывал досконально ознакомиться с обширными раскопками последних 10 лет не только в Помпеях, но и в самом Риме и его окрестностях, поработать в библиотеках, в которых «собраны, с одной стороны, старинные издания авторов, а с другой — масса древних рукописей»²⁸.

В 1877 г. Модестов получил из Петербурга телеграмму с извещением об избрании его Советом Петербургской духовной академии профессором кафедры римской словесности. С января 1878 г. он приступил к своим обязанностям. В академии он читал студентам II и III курсов первую книгу сатир Горация, вторую книгу — Энеиды Вергилия и речь Цицерона pro Milone, излагал историю римской литературы (до Цицерона). По воспоминаниям слушателей академии, он был требователен и к себе, и к студен-

²⁴ Малеев А. К истории классической филологии в России, с. 55—56.

²⁵ «Университетские известия» (Киев), 1871, № 8. Эти лекции издавались по частям: I курс, доведенный до правления Августа, был издан в Киеве в 1873 г.; II курс вышел в 1875 г., затем оба эти курса, исправленные и дополненные, были объединены. Затем к ним был добавлен III курс, доведенный до начала правления императора Андриана, с кратким обзором литературы последующего времени (до начала VII в.). Все эти три курса в 1888 г. были изданы в Петербурге под заглавием «Лекции по истории римской литературы, читанные в Киевском и Петербургском университетах» (СПб., 1888).

²⁶ Цветаев И. Профессор Василий Иванович Модестов. По поводу сорокалетия его научно-литературной деятельности, с. 85—86.

²⁷ «Университетские известия» (Киев), 1875, № 6, с. 502—514.

²⁸ Там же, с. 14—15.

там²⁹. Одновременно он читал лекции и в Петербургском университете. С переходом Модестова в Петербург начался период усиленной публицистической деятельности ученого в ряде столичных и провинциальных газет, во многих литературных и политических журналах Петербурга и Москвы.

Осенью 1879 г. произошли события, повлекшие за собой большие перемены в судьбе ученого. В сентябре — октябре 1879 г. Модестов поместил в газете «Голос» пять статей под названием «Школьный вопрос»³⁰. В этих статьях автор со всей решительностью высказывался против системы классического образования, действовавшей в русских гимназиях. Эта система насаждалась Д. А. Толстым и М. Н. Катковым, стремившихся механически перенести в русскую школу порядки и программы прусских гимназий. Неудивительно, что выступление Модестова вызвало недовольство тогдашнего обер-прокурора Синода графа Д. А. Толстого (инициатора создания классических гимназий), который нашел, что все критические высказывания Модестова по поводу классического образования в одинаковой мере относятся и к гимназии, и к духовно-учебным школам, и не счел возможным оставить Модестова на академической службе.

Не страшась последствий, Модестов, обратился также к рассмотрению университетского образования и, по его словам, был счастлив тем, что успел «высказать немало своих задушевных мыслей и тем исполнить некоторую долю своего общественного призвания». Написанные им в 1881—1882 г. статьи «Университетский вопрос» и «О средней школе и университете» содержали обстоятельный критический анализ системы университетского преподавания и нового университетского Устава³¹. Гимназическая система образования, по его словам, «уродует детей нравственно и физически». Столь же безобразно, по его мнению, и положение с высшим образованием.

Модестов критиковал новый Устав за то, что он отнимает автономию, предоставленную университетам Уставом 1863 г. Он выступил против рабского подражания порядкам немецких университетов, которые имеют свои исторические и национальные основания и никак не могут быть «опорой русских нравов и понятий».

Отставка Модестова продолжалась девять с половиной лет — с 1880 по 1889 г. В это время он вынужден был больше зани-

²⁹ *Садов А. И.* Профессор В. И. Модестов. Воронеж, 1910, с. 7. В 1878 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» были помещены статьи Модестова по вопросам преподавания классической филологии и истории римской литературы (*Модестов В. И.* Предмет, задача, цель, область и преподавание классической филологии.— ЖМНП, 1878, № 6; Римская литература при Тиберии, Клавдии и Нероне.— Там же, № 8; Плавт и его значение в университетском преподавании.— Там же, № 11—12).

³⁰ *Модестов В. И.* Школьный вопрос. СПб., 1880.

³¹ *Модестов В. И.* Статьи для публики, т. I. СПб., 1883, с. 227—308.

маться публицистической деятельностью, хотя не оставлял и научных занятий. В эти годы увидел свет сборник «Статьи для публики», включивший публикации из «Заграничного вестника», «Исторического вестника», «Наблюдателя» за 1880—1883 г.³², а также его книга о Германии и Франции³³. Много времени и сил отняли у Модестова два больших труда: первый был посвящен Тациту³⁴, второй — переводу словаря классической древности Ф. Любкера³⁵. К теме философского характера относится его работа о Спинозе³⁶.

Лишенный профессорского звания, Модестов со 2 сентября 1880 г. стал читать лекции в Петербургском университете в качестве приват-доцента. И только после смерти Толстого он был назначен 18 мая 1889 г. ординарным профессором Новороссийского университета по кафедре греческой философии, той самой кафедры, где 24 года назад начал свою научно-педагогическую деятельность. 5 сентября 1889 г. Модестов прочитал вступительную лекцию «Место классической филологии среди наук историко-филологического факультета и ее преподавание»³⁷, в которой подчеркивал, что идеалы, которые он принес на кафедру двадцать четыре года назад, остались неизменными. Он сказал: «Мне приходилось иногда отказываться от своих мнений по частным вопросам в науке, которые получили новое освещение, от новых данных, от новых исследований. Но в своих воззрениях на науку, на ее высокое призвание, на ее властное положение в жизни образованных народов, на достоинство и независимость в служении ей, на ее бесспорный авторитет во всех вопросах человеческой жизни я остался непоколебим, как и останусь таковым до конца дней моих»³⁸.

14 января 1893 г. (по выслуге 25-летнего срока) Модестов был уволен по его прошению из Новороссийского университета. Вскоре после этого, в том же 1893 г., он выехал в Италию и поселился в Риме, лишь изредка, на непродолжительное время навещая Россию. Там он углубился в научную и литературную

³² Там же. В этот сборник вошло 9 статей (Законы истории; Прогулки по развалинам Рима и Помпей; Марк Аврелий и новая религия; Ошибки и раскаяния; Австрийские, русские и львовский профессы; Провинциализм в политике; М. Д. Скобелев; Университетский вопрос; О средней школе и университете). В последних двух статьях весьма обстоятельно рассматривались студенческие волнения, недостатки академической жизни и др.

³³ Модестов В. И. О Германии. СПб., 1888; *Он же*. О Франции. СПб., 1889.

³⁴ Модестов В. И. Сочинения Корнелия Тацита. Русский перевод с примечаниями и со статьей о Таците В. И. Модестова, т. I—II. СПб., 1887—1889.

³⁵ Модестов В. И. Реальный словарь классической древности Фр. Любкера. СПб., 1887.

³⁶ Модестов В. И. Этика Бенедикта Спинозы. СПб., 1886 (2-е изд., 1892, 3-е — 1894).

³⁷ ЖМНП, 1889, № 11, с. 1—16.

³⁸ Там же, с. 2—3.

деятельность, сосредоточив главное внимание на изучении новейших археологических данных с целью выяснения древнейших доисторических судеб Рима и Италии.

Результаты своих научных исследований он обнаружил в иностранных изданиях, но главным образом в «Журнале Министерства народного просвещения» и в своем «Введении в римскую историю». Для русских, посещавших его в Риме, он был незаменимым «чичероне», и всегда охотно принимал на себя эту роль³⁹. В Италии Модестов сблизился со многими западноевропейскими и особенно с итальянскими учеными, принимал деятельное участие в различных съездах и собраниях, выступал с научными рефератами. Так, в 1903 г. он был избран вице-президентом на Международном историческом съезде в Риме, а в 1906 г. по поручению Министерства просвещения был представителем России на съезде по доисторической антропологии и археологии в Монако.

Своими научными трудами, и в особенности исследованиями о древнейших судьбах Рима и Италии, Модестов приобрел широкую известность на Западе⁴⁰, его называли «русским римлянином»⁴¹. И хотя Модестову российское Министерство народного просвещения назначило пособие для ведения научной работы в Риме, он жил исключительно на скромную профессорскую пенсию и литературный заработок. Умер он скоропостижно 13 февраля 1907 г. на 69-м году жизни.

По своим историческим взглядам Модестов был продолжателем лучших традиций русской школы историков Западной Европы, заложенной еще Т. Н. Грановским. Он стремился вскрыть причины исторических событий и их закономерности, показать исторический процесс во всем его многообразии, раскрыть его

³⁹ Дроздов Н. Памяти профессора В. И. Модестова.— «Труды Киевской духовной академии», 1907, июнь, с. 233—234.

⁴⁰ Интересные сведения сообщаются Модестовым в его докладе «О Риме как центре археологического, исторического и филологического образования и о своих занятиях в нем», прочитанном им 20 сентября 1900 г. на заседании Общества классической филологии и педагогики («Филологическое обозрение», 1900, т. 18). Результатом ученых занятий были: ЖМНП, Модестов В. И. Ученая жизнь в Риме.— ЖМНП, 1892, № 3—5; Он же. Фалиски.— ЖМНП, 1895, № 3; Он же. Древнейший период Рима.— ЖМНП, 1897, № 11—12; Он же. О том, откуда пришли и кто были латиняне?— ЖМНП, 1898, № 12; Он же. Еще о сикулах, умбрах и латинянах.— ЖМНП, 1898, № 5—9; Он же. Этрuscoский вопрос.— ЖМНП, 1903, № 8; Он же. Этрusco и месалы.— Там же; и др. Эти статьи в переработанном виде Модестов издал отдельно в 2-х частях (Введение в римскую историю. Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима, ч. 1—2. СПб., 1902—1904). Ряд статей для 3 части «Введения» остался ненапечатанным.

⁴¹ Шестаков С. Русский римлянин.— «Вестник литературы», 1907, № 3, с. 70—71.

внутренние связи⁴². Русский ученый был на стороне тех, «кто добывается в частных явлениях обнаружения общего смысла, кто заглядывает в глубь исторических событий и пытается на основании широкого изучения исторического, археологического, этнографического, статистического материала создать цельную картину века и таким путем приблизиться к пониманию законов, действующих в судьбах человечества»⁴³. Во взглядах на значение исторической науки Модестов продолжал линию Грановского, отстаивавшего идею ее общественного значения⁴⁴. «История была и будет учительницей народов на их пути к улучшению гражданского быта, к созданию государственного величия, к разрешению сложной и трудной задачи общественного благополучия»⁴⁵. Связь истории с современностью он видел в том, что историческая наука должна помочь правильно понять существующие гражданские отношения, дать «наглядные основания для борьбы с учениями, враждебными правильному государственному и общественному строю»⁴⁶.

Но, являясь представителем буржуазной науки, либералом по своим политическим взглядам, Модестов не мог понять истинных движущих сил истории. По его мнению, «величие народа складывается из разных элементов, но, в сущности, сводится к его умственной и нравственной силе: ни многочисленность населения, ни обширность территории, ни громадность армии не дают сами по себе никакого величия и не доставляют народу действительной силы... Велико и сильно то, что носит в себе силу духа, что богато творчеством гения, что исправляется разумом, где господствует стройность, порядок и свобода необходимых отправления»⁴⁷.

К оценке роли отдельных народов в истории человечества Модестов подходил с идеалистических позиций. В разрешении этого вопроса у него проявлялось свойственное либералам преувеличение исторической значимости некоторых народов⁴⁸.

Прогресс общества, по его мнению, есть прежде всего умственный прогресс. Общество рассматривалось им в отрыве от народных масс. К обществу Модестов причислял только образованную часть. «Образованное русское общество,— подчеркивал историк,— есть то, что составляет цвет и украшение русского народа. Это есть, так сказать, мозг, которым русский народ мыслит, есть орган, посредством которого он заявляет миру о своих дарованиях, обнаруживает свои способности в высшей сфере жиз-

⁴² *Мурьгина Н. Ф.* Указ. соч., с. 187.

⁴³ *Модестов В. И.* Статьи для публики, т. I, с. 4.

⁴⁴ *Мурьгина Н. Ф.* Указ. соч., с. 187.

⁴⁵ *Модестов В. И.* Статьи для публики, с. 140.

⁴⁶ *Модестов В. И.* Школьный вопрос во Франции.— В кн.: Школьный вопрос. СПб., 1880, с. 125.

⁴⁷ *Модестов В. И.* Школьный вопрос в Германии.— В кн.: О Германии, с. 161.

⁴⁸ *Мурьгина Н. Ф.* Указ. соч., с. 188.

ни, наконец, орган, посредством которого русский народ заявляет о своих потребностях и нуждах, о своих печалях и радостях»⁴⁹.

Слово «буржуа», по его мнению, не имеет никакого смысла, и если им можно кого-то называть, то разве тех деревенских кулаков, которые, будучи или бывши сами мужиками, высасывали кровь народа самым безжалостным образом. Других «буржуа», если не считать вообще всех денежных людей, так или иначе эксплуатирующих труд, на Руси нет⁵⁰.

Модестов выдвинул еще одно положение, что «общество» имеет непосредственное право управления народом: «Народ — есть сила пассивная, управляемая, руководимая, направляемая избранной частью общества»⁵¹.

Народные массы он рассматривал в отрыве от общества, не признавая их движущей силой общественно-исторического развития. Идеалистически подходил Модестов и к оценке роли личности в историческом процессе. Это особенно ярко видно на примере характеристики видного участника русско-турецкой войны генерала М. Д. Скобелева, которого Модестов считал спасителем в этой «несчастной европейской войне», человеком, который только один смог привести к победе⁵².

В конечном счете, оставаясь в рамках буржуазно-либеральной идеологии, Модестов весь ход истории сводил к духовной деятельности людей. Он считал, что события зависят от степени образованности, на которой находится развитие науки. Факторы политической, военной и культурной жизни общества он рассматривал в отрыве от общего исторического процесса, в частности в отрыве от экономического развития общества, чем нарушал специфическую особенность исторической науки, которая должна рассматривать процесс развития общества в целом, все явления общественной жизни в их взаимосвязи и взаимообусловленности⁵³.

Говоря об основных исторических трудах ученого, следует указать две проблемы, которые особенно интересовали Модестова, — это античная историография и ранняя история Рима. Из римских авторов его особенно привлекает знаменитый историк Корнелий Тацит, всестороннему анализу трудов которого Модестов отдал много сил и творческой энергии. Впервые он выступил с трудом, посвященным Тациту, еще в 1864 г., когда им была издана монография под заглавием: «Тацит и его сочинения»⁵⁴. Это — магистерская диссертация, в которой дана биография римского историка и сделан разбор его сочинений. Через двадцать

⁴⁹ «Русское богатство», 1887, сентябрь, с. 163.

⁵⁰ «Русское богатство», 1887, сентябрь, с. 164.

⁵¹ Там же, с. 165.

⁵² Модестов В. И. М. Д. Скобелев. — В кн.: Модестов В. И. Статьи для публики, т. I, с. 210.

⁵³ Очерки истории исторической науки в СССР, т. 1. М., 1955, с. 7.

⁵⁴ Модестов В. И. Тацит и его сочинения. СПб., 1866.

два года Модестов осуществил полный перевод всех произведений Тацита. В начале 90-х годов XIX в. им были изданы «Заметки по Тациту». Выбор темы не был случаен. Образ Тацита, страстного республиканца (правда, сторонника патрицианской республики), бичевавшего пороки императорского режима, и должен был привлечь внимание оппозиционно настроенного по отношению к царскому правительству ученого. К тому же научный перевод Тацита диктовался потребностью времени, так как сделанные ранее в России переводы были недостаточно квалифицированными.

И. В. Помяловский, крупнейший знаток классических языков, в своей рецензии на труд Модестова дал высокую оценку проделанной работе, отметив, что она принадлежит человеку, знающему Тацита и любящего его ⁵⁵.

Переводчик сознавал трудность своей задачи: «Тацит — писатель до того своеобразный в выборе слов и выражений, до того индивидуальный во всем том, что называется стилем писателя, что передавать его на другой язык достойным образом, то есть не только верно выражая его мысли, но и сохраняя до известной степени манеру автора, значит исполнить работу далеко не легкую и по местам даже трудную» ⁵⁶.

В другом месте Модестов дал характеристику тем приемам, которыми он руководствовался при переводе: «Во время этой работы я неуклонно стремился к тому, чтобы верно передать не только мысль Тацита, но и самые оттенки его выражения, насколько это было для меня достижимо без видимого ущерба для ясности и правильности русской речи» ⁵⁷.

Отличие полного перевода Тацита на русский язык, осуществленного Модестовым, от других заключалось в том, что Модестов начал перевод не с «Летописи», а с других исторических сочинений: «Агриколы» и «Германии» и перевода «Истории» ⁵⁸. Основанием для этого он считал прежде всего хронологический порядок исторических сочинений Тацита ⁵⁹.

Модестов говорил, что в «Истории» Тацита дано «полное жизни и смысла изображение состояния принципата в одну из самых критических для него эпох, со всеми его влияниями на положение огромного римского государства» ⁶⁰.

Модестов рассматривал также малые труды Тацита — «Агрикола» и «Германия». По его мнению, первый преследовал цель «заклеймить позором нечестивое время правления Домициана»,

⁵⁵ Помяловский И. В.— [Рец. на кн.]: Сочинения Корнелия Тацита. Русский перевод с примечаниями и статьей о Тацита В. И. Модестова.— ЖМНП, 1886, № 9, с. 160.

⁵⁶ Модестов В. И. Сочинения Корнелия Тацита, т. I. СПб., 1886, с. 1.

⁵⁷ Там же, с. 3—4.

⁵⁸ Там же, с. 3.

⁵⁹ Там же, с. 5.

⁶⁰ Модестов В. И. Тацит и его сочинения. СПб., 1864, с. 110—111.

произнести приговор над страшной эпохой⁶¹. Что касается «Германии», то она квалифицировалась как чисто этнографическое сочинение.

Труды Модестова о Таците оказали большое влияние на последующую историографию. В частности, монография И. М. Гревса, посвященная Тациту, имела много точек соприкосновения с основными выводами Модестова⁶².

Рассматривая политические, философские, религиозные и нравственные убеждения Тацита, Модестов делал вывод, что историк не мог симпатизировать тем порядкам, тому государственному режиму, который установился после Августа. Вместе с тем он понимал, что при подобном положении вещей утверждение в Риме единогласия было неизбежно. Историк не отрицал и того, «что победа монархического начала была вызвана необходимостью водворения порядка в государстве, истощенном междоусобными войнами»⁶³. По словам Модестова, Тацит был недоволен тем, что государственный переворот, совершенный Августом, положил конец политическому равенству, но и не мог скрыть того убеждения, что равенство могло легко существовать, когда республика не имела обширных границ.

Модестов приходил к выводу, что Тацит не сомневался в исторической необходимости принципата, во время которого он жил. Тацит не объявлял войну принципату, как это делали те, которые предпочитали «гордую смерть неизбежному подчинению тяготевшей силе». Наоборот, Тацит на примере своего тестя Агриколы показал человека, умевшего приносить пользу даже при Домициане⁶⁴.

По мнению Модестова, Тацит чувствовал глубокую симпатию к людям, которые возмущались самовластием. Особенно же он приветствовал тех, кто представлял радикальную партию политической оппозиции. Непоколебимые в борьбе, они бесстрашно шли на смерть, видя в ней не бедствие, а счастье. Это, по определению Модестова, «стойки». Тацит к ним относился с уважением⁶⁵.

Много внимания Модестов уделил анализу политических воззрений Тацита. Известно, что всемогущая власть принцепса вызывала в знатных и зажиточных слоях общества постоянную оппозицию правительству⁶⁶. Центром оппозиции был Сенат, который хотя по форме и сосредоточивал все функции государственной власти, но при единовластии не имел силы. Сенат, исконный оплот свободы и чести римского народа, теперь, по мнению Тацита, способен лишь раболепствовать перед властью.

⁶¹ Модестов В. И. Тацит и его сочинения, с. 61.

⁶² Гревс И. М. Тацит. М.—Л., 1946, с. 12, 122, 126, 129, 203 и др.

⁶³ Модестов В. И. Тацит и его сочинения, с. 138.

⁶⁴ Там же, с. 140.

⁶⁵ Там же, с. 141.

⁶⁶ Там же, с. 142.

Таким образом, говорил Модестов, гарантию свободы и общественного состояния Тацит видел в нерушимости прав Сената, за действиями которого в «Летописи» он постоянно следил.

Нельзя не согласиться с Модестовым и в том, что в политических воззрениях Тацита не было определенной системы. Тацит ненавидел принципат и приписывал ему много бедствий, которым он подвергал римский народ, но вместе с тем не исключал возможности сделки с ним и говорил, что даже «и при худых государях могут быть великие люди»⁶⁷. Он провозглашал умеренность как высшее политическое правило своего времени и в то же время с симпатией говорил о людях, которым чуждо это правило.

Если бы у Тацита было больше объективности, то, возможно, не было бы тех противоречий, какие у него замечаются. Однако, по мысли Модестова, эти противоречия не столь важны при определении политического образа мыслей Тацита. «Ненависть к тирании, любовь к свободе и гражданской доблести хороших времен республики сами по себе ясно характеризуют политическую точку зрения человека, оставившего нам красноречивое описание Римской империи первого века нашей эры»⁶⁸.

В философском и религиозных воззрениях Тацита Модестов также не находил определенной системы. Он не относил Тацита ни к эпикурейской, ни к стоической школам.

Стоицизм был философией достижения индивидуального блага и счастья. Для Тацита же были предпочтительны добродетели общественные: любовь к отечеству, предпочтение общего блага частному, активная деятельность (противопоставляемая праздности), любовь к правде, твердость и стойкость, наконец, умеренность и воздержание. Таким образом, выходило, что гражданский долг — высшая добродетель в старом римском этническом кодексе — находился в центре общественного идеала Тацита⁶⁹.

Кроме работы над Тацитом, Модестов много внимания уделял изучению древнейшей истории Рима и Италии. Интенсивно начав эту работу с 90-х годов XIX в., он продолжал ее до конца своей жизни.

Основным научным трудом Модестова было фундаментальное исследование «Введение в римскую историю». По важности и актуальности поставленных в нем проблем, а также методам их разрешения оно было ценным вкладом в мировую науку об античности и получило широкую известность. В этой работе русский историк продолжал выступать против тех ученых, которые признавали недостоверность традиции, отрицали возможность воссоздания древнейшей римской истории. Он возложил на себя важную по значению и большую по объему задачу по борьбе с

⁶⁷ Там же, с. 147.

⁶⁸ Там же, с. 148.

⁶⁹ Там же, с. 157.

гиперкритикой, процветавшей в те годы и наносившей вред науке об античности.

Модестов еще в своей докторской диссертации «Римская письменность в период царей», доказывая наличие письменности у древних римлян, стремился тем самым отвести важнейший довод сторонников «скептического направления», отрицавших достоверность древней истории Рима⁷⁰. В те годы он мог оперировать лишь данными традиции, но уже в 1898 г. были открыты памятники древнейшей римской письменности, датируемые VI в. до н. э. Среди них был знаменитый «черный камень» — надпись на форуме со словом «царь»⁷¹. Эти открытия подтвердили предположения Модестова⁷². Хотя историк явно преувеличивал распространение письменности в древнейший период римской истории (относя это событие к эпохе, еще предшествующей основанию Рима), тем не менее наличие письменности еще в царский период оставалось доказанным.

Продолжая исследование источников «как наиболее фактических и осязательных»⁷³, Модестов на основе сравнительного их изучения пришел к выводу, что «разрушительная в римской истории работа кончила свое дело и должна начаться работа созидательная»⁷⁴. Свое дело воссоздавать древнейший период истории Рима он выполнил в работе «Введение в римскую историю».

В вводном разделе книги Модестов четко определяет назначение своей работы: «Древнейшую историю Рима надо начать с первых следов в долине Тибра человека, чтобы войти в город Ромула не с пустыми руками и не с мифологическими и легендарными сказаниями, а с фактами последовательно развивавшейся культурой жизни в руках». Таково, по мнению автора, новое направление в разработке древней римской истории. Оно «единственное, вполне научное и единственное в наше время плодотворное»⁷⁵.

Свою работу Модестов начал с главы, посвященной каменному веку Италии. На основании данных итальянских археологов Пигорини и Чезелли он подверг критике утверждение Т. Моммзена об отсутствии человека в Италии в каменном веке. Модестов установил место пребывания человека в преадриатической Италии, в Лациуме, в области верхнего Тибра и в других местах. Он дал описание истории Италии в эпоху неолита и энеолита. По мнению автора, неолит был важнейшим периодом жизни Италии,

⁷⁰ Модестов В. И. Римская письменность в период царей.— Учен. зап. Казанского ун-та», 1867, вып. V—VI. К этой работе примыкает книга: *Он же* Скептицизм в римской истории. Казань, 1869.

⁷¹ Модестов В. И. Древнейшая латинская надпись в римском форуме.— ЖМНП, 1900, кн. 3, с. 16.

⁷² Нечуровский А. И. История раннего Рима и Италии. Воронеж, 1962, с. 16.

⁷³ Модестов В. И. О происхождении сикулов. СПб., 1898, с. 54.

⁷⁴ Модестов В. И. Введение в римскую историю, т. I. СПб., 1902, с. 11.

⁷⁵ Там же, с. 11—12.

так как являлся веком «развития той многосторонней и доведенной до совершенства культуры, которая досталась латинскому племени в наследство от предшествующего ему поколения на Апеннинском полуострове»⁷⁶.

Модестов стремился определить и причины перехода от энеолита к бронзе⁷⁷. Он не учел, однако, степени внутреннего развития народов, населявших Италию в рассматриваемое время, и свел все к внешним влияниям, проникающим, по его мнению, путем торговых сношений и иммиграций в Италию народов с иной культурой, которые водворились в ней как путем завоевания, так и мирным путем.

Рассматривая проблему этнической принадлежности народов, населявших Италию во времена каменного века, Модестов пришел к выводу, что наиболее древними обитателями Апеннинского полуострова были иберы и лигуры, между которыми существовало тесное родство, доказываемое данными палеонтологии, антропологии и краниологии. Опираясь на сведения Дионисия Галикарнасского, Варрона, Валерия Флакка, к боковой ветви лигуров Модестов относил сикулов, живших когда-то в Италии.

При изучении бронзового века на территории Италии автор снова использовал теорию миграций. Бронза, по его мнению, была принесена новой волной пришельцев, строителей и обитателей террамар, проникновение которых происходило мирно, не при помощи оружия, а путем внесения более высокой культуры бронзы. Они, по утверждению ученого, и создали то население, которое известно под именем латинян, — основной элемент, положивший начало римской истории.

Вслед за итальянским археологом Пигорини Модестов установил сходство бронзовых орудий обитателей террамар с подобными орудиями стран Средней Европы, утверждая, что начальным местом распространения этого древнейшего индоевропейского племени были прикарпатские земли, «откуда оно и распространилось в разные стороны Средней Европы»⁷⁸.

Преследуя свою цель — проследить начало Рима, — Модестов подробно остановился на древнейшей культуре латинян в Лациуме, рассмотрел содержание их могильников с трупосожжением в Албанских горах и погребений на римских холмах. Он проанализировал влияние на латинян погребальных обрядов, материальной культуры и языка лигурийского населения страны.

Историк подкрепил свои доводы убедительными соображениями о связи древнейшей латинской культуры Лациума с еще более древней культурой бронзового века — террамар⁷⁹.

⁷⁶ Там же, с. 13.

⁷⁷ *Немировский А. И.* Племена Италии во II тыс. до н.э. — «Вестник древней истории», 1957, № 1, с. 102—121.

⁷⁸ *Модестов В. И.* Введение в римскую историю, т. I, с. 135.

⁷⁹ *Анучин Д.* Труд профессора В. И. Модестова «Введение в римскую историю», с. 15.

Модестов полагал, что сиканы — одни из древних обитателей Сицилии — образовались из народности, пришедшей сюда непосредственно из Африки⁸⁰, а сикулы, по его мнению, были ветвью лигуров, проникших в Европу вместе с иберами через Пиринеи и пришедших затем на Апеннинский полуостров⁸¹.

Второй том «Введения в римскую историю» посвящен не менее сложной проблеме — происхождению этрусков. Он начинается со справедливой критики взглядов Моммзена, отрицавшего культурное влияние этрусков в Италии и недооценивавшего этрусского вопроса вообще.

Основываясь на свидетельствах древних авторов, а также вещественных и письменных памятников, оставленных этрусками, Модестов выступил защитником малоазийского происхождения этрусков⁸². По его мнению, в источниках четко прослеживается связь между малоазийскими и этрусскими захоронениями. Он указал на связь между малоазийской и этрусской могильной скульптурой, живописью, халдейскими могильными обрядами, именами, дивинацией этрусков; он видел восточные черты в быте, одежде, нравах этрусков.

Вместе с тем Модестов выступил и против положений Пиго-рини и Гельбига (ученых, к которым он относился с большим уважением), утверждавших, что этрусская культура развилась из культуры Виллановы⁸³. Он обратил внимание на определение времени прибытия этрусков, которое относил к IX в. до н. э., и на их путь через Тирренское море⁸⁴.

Заканчивая рассмотрение этрусской проблемы, автор с полной уверенностью заявил, что вопрос о происхождении этрусков решен на научной основе и что новые данные могут лишь несущественно видоизменить эти выводы⁸⁵.

Итак, в своем капитальном труде Модестов попытался на основе археологических и антропологических данных детально исследовать древнейшую историю Италии. Глубокий знаток римской истории и литературы, он изучил древности в музеях и

⁸⁰ Модестов В. И. Введение в римскую историю, т. I, с. 92.

⁸¹ Там же, с. 89—90.

⁸² Там же, т. II. СПб., 1902, с. 5—7.

⁸³ Там же, с. 70—75 (Культура Вилланова — культура раннего железного века в Северной Италии, представленная инвентарем из могильника, расположенного в селении Вилланова близ Болоньи).

⁸⁴ Модестов В. И. Введение в римскую историю, т. II, с. 87.

⁸⁵ Там же, с. 98. См. советские работы об этрусках: *Залесский Н. Н.* Этрусски (в помощь историку-педагогу). — «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 5—6, с. 190—203; *Он же.* Этрусскология за рубежом (обзор). — «Вестник древней истории», 1956, № 4, с. 71—85; *Он же.* К истории проникновения этрусков в области фалисков и города Капены. — «Уч. зап. ЛГУ», № 251. Серия истории наук, вып. 28, 1958, с. 3—20; *Он же.* Этрусски в Лигурии. — «Вестник древней истории», 1958, № 1, с. 52—71; *Он же.* Этрусски в Риме. — «Научные доклады высшей школы. Ист. науки», 1958, № 1, с. 97—107; *Он же.* Этрусски в Северной Италии. Л., 1959; *Немировский А. И.* и *Харсекин А. И.* Этрусски. Воронеж, 1969.

пришел к глубоко аргументированным выводам по затрагиваемым вопросам. В результате появилось сочинение «не имеющее себе равного ни в одной европейской литературе»⁸⁶.

В предисловии к французскому переводу «Введения в римскую историю» Модестова член французской Академии наук С. Рейнак писал, что эта книга является выдающимся синтетическим трудом в области доисторической археологии Италии: «Наука вообще, и наука итальянская в особенности, обязаны Модестову глубокой благодарностью, первая — за то, что он снабдил ее удобным и надежным рабочим орудием, вторая — за то, что он свел воедино и осветил полным светом ее прекрасные открытия, вывел ее из полумрака, в котором она осуждена была оставаться»⁸⁷.

Труд Модестова, несомненно, крупный вклад в науку о доисторических древностях. Он дал сводку всех главнейших фактов, имеющих отношение к культуре бронзового и железного веков Италии, к происхождению латинян и этрусков. Автор не только собрал факты, но и стремился истолковать их, построить определенную теорию смены культур и народностей, доисторического периода пролатинян. Как и многие другие археологические и этнографические теории, теория Модестова далеко не безупречна, но в ее пользу говорит то, что, будучи основанной на связи бронзовой культуры Лациума с бронзовой культурой террамар, она дала более простое и убедительное истолкование многим фактам.

СOLIDНЫЙ труд Модестова может служить прочной основой для дальнейшей разработки связанных с ним трудных и сложных палеоэтнологических вопросов. Умелое сопоставление фактов, критический анализ и построенный на основании их синтез — дают в руки исследователям ценный материал для дальнейшей работы научной мысли⁸⁸.

В настоящее время наука рассматривает этническую пестроту населения Италии в большей степени как результат переселения народов, особенно в начале II тысячелетия до н. э.

И сейчас появление культуры террамар некоторыми из ученых объясняется как результат нашествия пришельцев из-за Альп. Так, в работе итальянского ученого Д. Луццато отмечено, что эпоха культуры Вилланова «совпадает с периодом экспансии умбров и умбро-сабелов на север и юг от Тосканоземлианских Апеннин»⁸⁹.

Однако в то же время нельзя не согласиться с мнением Н. Ф. Мурыгиной о том, что Модестов переоценивает значение

⁸⁶ *Анучин Д.* Труд профессора В. И. Модестова «Введение в римскую историю», с. 26.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же, с. 28.

⁸⁹ *Мурыгина Н. Ф.* Указ. соч., с. 195.

миграций. Появление на территории Италии народов с новой культурой объясняется им главным образом переселением, а затем — торговыми сношениями. Этой точки зрения придерживаются и в настоящее время буржуазные ученые⁹⁰.

Миграция, конечно, являлась одной из причин появления новой культуры, но наряду с ней большое значение имел и процесс внутреннего развития народов, которые находились на стадии первобытнообщинного строя, процесс, способствовавший образованию племен и народностей. В настоящее время факт миграции признается только в отношении народов, являющихся носителями культуры железа.

Культура бронзы, как полагал Модестов, была занесена новыми пришельцами. По мнению же Лущато, она появилась в результате ввоза олова из далеких стран⁹¹. Отрицаются современными учеными и черты сходства террамар и римских военных лагерей, которые находил Модестов, считая их доказательством родства обитателей террамар с римлянами⁹².

Хотя после появления работ Модестова прошло много лет, этрусский вопрос по-прежнему, несмотря на существенные достижения этрускологии, остается открытым.

Один из советских исследователей этой проблемы Н. Н. Залесский успехи этрускологии видит в накоплении нового материала, в попытках установления периодизации истории этрусков, в историческом подходе к решению отдельных проблем этрускологии, особенно вопросов, связанных с этрусской экспансией за пределами Этрурии⁹³.

В настоящее время ученых больше интересует проблема формирования этрусской народности в условиях Италии, а не вопрос их происхождения. Однако отдельные ошибочные положения, которые стали очевидны с позиции современной науки, не могут умалить общего значения труда Модестова. Его работа, явившаяся обобщением разрозненных сведений по древнейшему периоду истории Италии и давшая впервые в мире его последовательное изложение, нанесла удар по представителям гиперкритицизма и доказала необходимость комплексного изучения источников, а не использования одних филологических данных.

Замечательное исследование Модестова, не утратившее до сих пор своего значения, — одно из первых в мировой науке указало на необходимость при изучении древнейших периодов истории Италии и Рима использования накопившегося археологического материала и положило начало новому направлению в римской истории, указывающему на тесную связь исторических источников с данными различных вспомогательных наук.

⁹⁰ *Мурыгина Н. Ф.* Указ. соч., с. 195.

⁹¹ Там же, с. 196.

⁹² Там же.

⁹³ *Залесский Н. Н.* Этрусология за рубежом (обзор), с. 75.